

Купола под коромыслом

Окончание. Нач. в № 29.

● Городской музей расположен в бывшем воеводском доме. Провинциальные музеи полны какой-то особой, трудно объяснимой прелести. Экспонаты миниатюрны, немногочисленны и чуть-чуть банальны. Картинки нарисованы неумело, но с любовью. Макетики сделаны со скрупулезной тщательностью, но чуть запылены. На копьях, пушках и станках аккуратно наклеены ярлычки с крупными детскими надписями. У самой двери лежит серая косточка, читаешь надпись — трилобит. Делаешь шаг и только гут вспоминаешь, что этому трилобиту 500 миллионов лет, что эта серая косточка жила в палеозойскую эру, когда вся жизнь на нашей девственной планете еще только начинала копошиться в теплых морях и океанах. Делаешь еще шаг — зубы носорога. Трилобит и зубы носорога...

Между ними такая бездна лет, что ее невозможно представить. ...Распался великий материк Гондвана, охвативший когда-то южное полушарие планеты гигантским полукольцом... На месте океана Тетис поднялись горные вершины, которые назовут Гималаями. Тела и кровь умерших ящеров превратились в нефть, и когда-нибудь их преобразованные мускулы фыркнут в двигателе автомобиля, и хриплый крик чудовищ оживет в реве клаксонов.

яйца. Не смерть, а игрушечный шарик. Что сейчас значит этот шарик или даже целое лукошко таких шариков? Годны разве только что для игры в кегли!

В углу — серебряная чаша. Нет, оказывается, — обыкновенный муляж, а оригинал в Эрмитаже. Когда-то эту вазу нашли при раскопках. Серебряную, красивую, из Византии. Племена, обитавшие среди лесов, вели торговлю с византийцами... Жаль, что придется любоваться лишь муляжем. Экспозиция в периферийных музеях и так бедна.

Но вот проходишь еще несколько залов-комнат, и музей неожиданно кончается. Выходишь на улицу и сразу обмакиваешься в прохладу прошедшего дождя. Иссякшие тучи унесло ветром к горизонту, над куполами соборов перекинулось сверкающее коромысло радуги. Река дымит, отдавая тепло. Мокрая светловолосая женщина медленно поднимается от родника, и видно, как в ее ведрах, кривясь, плавают отражения церквей. А за рекой в гору ползут дома, блестят омытыми крышами, стеклами и белыми стенами. Соль Камская...

● Прошедший дождь прибил дорожную пыль, и нашу машину легко пронизывают запахи леса. А вот за поворотом показалось Городище. В Городище (село под Соликамском) мы приехали, чтобы увидеть Знаменскую церковь

Время пронеслось, и леса стали угольным камнем. Папоротник сжался и стал миниатюрной травой. Прокричал в последней раз гигантский носорог — мохнатая туша с костяными рогами... И вот в пустыне появился Нил. В его воде захлюпали крокодилы, и розовые ибисы понеслись над землей — будущей усыпальницей великих фараонов. Шесть шагов — и за твоими плечами прошестели миллионлетия.

Здание, в котором расположился музей, — бывший дом воеводы. Стены толщиной в два метра. Странно подниматься по каменным ступенькам узких переходов в стене и попадать в светлые залы. Говорят, что из дома за реку идут подземные ходы, но пока их не нашли.

Под стеклом бумажка. Это указ о том, что за пьянство попа такого-то высочайшим повелением высылают на исправление. Указов о пьянстве монахов и попов несколько. А вот часы, деревянные, сделанные вятскими кустарями Бронниковыми. Написано: корпус из капа; механизм из пальмы; стрелки, часовая и секундная, — из жимолости; пружина — из закаленного бамбука; места для цифр отделаны перламутром. Что это за закаленный бамбук?

У пушки XVII века удивляют ядра. Чугунные ядра чуть больше

Встреча с этой церковью производит удивительное впечатление гармонии и покоя. Построенная на скате холма, постепенно переходящего в гору, она прекрасно «слилась» с березами, небом, облаками. С холма открывается вид на бесконечную панораму лесов, дорог, холмов и далеких гор. У церкви можно сесть на траву и слушать шум берез, вороний грай, смотреть на проплывающие облака. Ступеньки только что вымыли, они дымятся на солнце, и голубая вода утекает в траву. «Кар! Карр!» — кричит воронье. И это «карр», как крап на стволах белых берез.

А вот и наш старый знакомый. Черная машина времени — Ворон. Сел неподалеку и скосил белый звериный глаз. Таинственная выптица — Ворон. А правда ли, что под ващими смоляными перьями течет ледяная кровь?

— Лжешь! — крикнул Ворон. — Карр! — крикнул и взлетел. Глаза блестят как перламутровый циферблат...

Надо уходить. Последний взгляд на церковь. Удивительно она прекрасна, гармонична с природой... В Соликамске — не то, там храмы окружены асфальтом, линию горизонта дробят многоэтажные дома и изгибы холмов не вторят овалам куполов с ажурными крестами... Прощай, Ворон!

А. КОРОЛЕВ.